

Как чувствует себя молодой, интеллигентный, талантливый человек, оказавшийся в современной постсоветской тюрьме? Лучше бы не задавать таких вопросов, ибо интеллигентный, талантливый человек вообще не должен знать, что такое тюрьма. Однако Россия испокон веков была не только тюрьма народов, но и тюрьма поэтов. В тюрьме сидели Гумилев, Мандельштам, Заболоцкий, Бродский, Радушинская... Легче перечислить тех, кто не сидел.

Казалось бы, те, кому сегодня 20 лет, избавлены от этой неизбежной инициации, варварского посвящения в поэты, но судьба Алины Витухновской напомнила нам, что в России, несмотря на все реформы, слишком многое, может быть, самое основное осталось в своем прежнем зверском обличье.

В XIX веке, который сегодня многим кажется золотым, любой полицеймейстер мог без суда и следствия выслать неблагонадежного студента из своего города на какое-нибудь дальнее поселение. Нынешнее законодательство позволяет целый год держать в тюрьме человека, не очень утруждая себя доказательствами его вины.

Сейчас благодаря усилиям общественности Алина на свободе. Но суд, как всегда, идет. Разговаривая с молодой поэтессой, я все время не могу отделиться от ощущения, что и все мы в таком же положении, как и она. Вроде бы на свободе, но в любую минуту могут забрать.

Это ощущение своей постоянной мнимой и никем не доказанной вины перед какими-то грубыми, никому неизвестными людьми, наделенными властью, весьма характерно для всех тоталитарных систем. Как в «Процессе» Кафки. Человек мучительно пытается понять, в чем его вина и каков приговор, но не тут-то было. Кто-то незримый водит и водит его по бесконечным коридорам всегда анонимной власти, а где-то в невидимых подвалах и канцеляриях клеится и пухнет на него громадное Дело № икс (читай Сухова-Кобылина).

Рассказ Витухновской о пребывании в тюрьме чем-то напомнил и другой великий роман — «Приглашение на казнь» Набокова. Там тоже главное чувство нереальности происходящего. Но то литература, хотя и великая, но мировая, а это жизнь, хоть и не великая, но, к сожалению, наша.

Вот рассказ Витухновской о ее единоборстве с тюремным идиотизмом власти.

Почему я раньше отказывалась печататься. Чужое восприятие меня полностью извращает. Я никогда не слышала о себе мнение, которое бы меня не шокировало и не ужасало.

Однажды на стенке своей комнаты я написала: «Сделайте меня героем ваших комиксов».

жительностью и степенью риска и опасности, которой я подвергалась.

Я вела себя непредсказуемо для своих палачей. Если раньше дома часто плакала и была грустна (все мои знакомые привыкли меня видеть такой), то теперь я приезжала на суд, язвила, смеялась, т.е. я полностью изменила свой имидж. Цель была эпатаж, а средство — моя жизнь. Основные моменты — неожиданность. Явное несоответствие личности участника, т.е. меня, с местом, где это все происходит.

Я не отождествляла себя с этим делом, которое якобы имеет ко мне какое-то отношение. У меня часто создавалось впечатление, что речь идет не обо мне. Что идет судебный процесс над отсутствующим.

Главное ощущение сейчас — чувство глубокого разочарования. В тюрьме я идеализировала все, что происходит на воле, обо всем забыла.

Вроде бы человек выходит из тюрьмы и должен ощущать все иначе. Во всяком случае, там я слышала об этом постоянно. Я

Алина Витухновская: Безумцы могут делать с нами все что угодно

Известия. — 1995. — 1 дек. — С. 9

как герой комикса — согласен на все. Это входит в правила игры.

Эта идея слилась с акцией, которую я придумала позднее в тюрьме. Я подумала, что единственный способ быть там свободной, насколько свобода вообще возможна, — это не соответствовать никоим образом этой системе. Никогда не реагировать адекватно на них, на людей, которые это все устроили. Потому что только адекватности они и ждут. Они угрожают — надо бояться. А я в этой игре как бы не участвую.

Акцию я придумала потому, что быть там всерьез — это для меня было совершенно нереально. Я считаю, что эта акция уникальна в связи со своей продол-

Сложность в том, что финал акции непредсказуем.

Когда я ехала на суд, я являла собой некую помесь из каких-то немецких экстремистов левого толка плюс внешний имидж французской проститутки в духе героини Бодлера. Главная цель борьбы — внешнее поведение максимально не соответствовало тому, что внутри. Кроме того, применялся имидж маленькой девочки из Семейства Адамсов. Хотя в глубине души я чувствовала себя обиженным ребенком, с которым неизвестно почему обращаются таким наглым образом. Меня постоянно раздражала собственная анонимность, потому что я существовала вне возможности реализации своих идей, вне ре-

думала, что положительные эмоции продлятся хотя бы несколько дней. На самом деле их хватило не более чем на пять минут.

Претензий у меня не уменьшилось, хотя считается, что после таких ситуаций это неизбежно. Реальный масштаб действий меня не удовлетворяет, как не удовлетворял и раньше. Нет ощущения каких-то пробелов, что за год изоляции я что-то пропустила, что-то не узнала. Наоборот, прогрессирует ощущение, что меня зашвырнуло куда-то вперед. И все, что наблюдаю, что происходит, кажется мне устаревшим. Как будто я смотрю из иного пространства, иного времени.

Всю жизнь с самого детства

меня тяготили ощущения тотальной несвободы. Но никогда это ощущение не обрело такой пошлости, не превращалось из глобального в бытовое, как это произошло сейчас. Постоянно ощущение, что со мной может что-то случиться не потому, что я поведу себя тем или иным образом, а просто потому, что какие-то безумцы могут в бытовом плане управлять ситуацией, руководствуясь не какими-то законами, не наличием вины или ее отсутствием и иногда даже кажется, не руководствуясь даже собственными целями, а движимые исключительно своим безумием, непредсказуемым, опасным и в то же время дешевым и бессмысленным.

Фото Виктора АХЛОМОВА.

● Алина Витухновская

В течение двух лет он ежедневно подходил к тюремной решетке и кричал наружу: «Отойди от моей машины!»

Отойди от моей машины.

Идиот, он кричит из окна уже год.

Вот придет к тебе доктор, вот доктор тебя и убьет.

Умали этот треп. Вынимаем амитриптилины.

Отойди от моей машины.

Здесь сидит человек за бандитство, убийство, разбойство.

Здесь сидит человек за свое неизбежное свойство.

И когда вы пойдете стрелять ему в спину

«Отойди от моей машины».

Если есть та тревога, которой далеки суеты,

Отстраненная трезвость безумья, скажи мне,

Подтверди, если есть, то вот именно эта:

«Отойди от моей машины».

А над ним хохотали угрюмые тетки, кричали: «Скажи свое имя». Идиотик, орущий какому-то Богу глухому Техремонтного рая. Украина. Штат Оклахома. Эпицентр. Москва. Бирюлево. Лос-Анджелес. Космос.

100 ночей и 100 дней ему задавали вопросы Циничные и опытные мужчины. Было следствием всем. Он один был причиной Неистолковыаемый как осень. Он вопил безумному на допросе: «Отойди от моей машины».

Если есть та тревога, которой далеки суеты, Отстраненная трезвость безумья, скажи мне, Подтверди, если есть, то вот именно эта: «Отойди от моей машины».